

Сунь Ичжи

Российская эмиграция и советская разведка в Шанхае (1945–1949 гг.)

Проблемы пребывания за рубежом российских граждан, вынужденных покинуть страну в 1917–1922 гг. в ходе революции и Гражданской войны, затрагиваются во множестве исследований. Не является исключением и история русской эмиграции в Восточной Азии. Однако при этом следует признать, что историки уделяли мало внимания русским в Шанхае, в особенности отношению шанхайских и советских властей к ним. Период с момента завершения Второй мировой войны до взятия города силами Народно-освободительной армией Китая (НОАК) наименее изучен, поэтому именно о нем и пойдет речь в нашей статье.

Данный период рассмотрен шанхайским исследователем российской эмиграции Ван Чжичэном в монографии «История русской эмиграции в Шанхае», где главное внимание уделено процессу перемещения советских и белых эмигрантов из Шанхая¹. Однако исследователь обращался в основном к материалам прессы и не проанализировал сложившуюся на тот момент политическую ситуацию и меры, предпринятые шанхайским и советским правительствами в связи с проблемой эмиграции. Московская исследовательница истории шанхайской ветви русской эмиграции В. Г. Шаронова опубликовала протоколы Российской эмигрантской ассоциации

Сунь Ичжи
независимый
исследователь
(Шанхай, Китай)

(далее — РЭА) в Шанхае 1946–1948 гг. в приложении к своей монографии², однако в основной части труда, на наш взгляд, недостаточно освещена деятельность РЭА, отсутствует анализ личности секретаря ассоциации М. Г. Яковкина³. Кроме того, среди источников данной монографии значатся только протоколы РЭА и газета русского зарубежья в Сан-Франциско «Русская жизнь»⁴.

Деятельность советских спецслужб рассмотрена в трудах московского исследователя новейшей истории Китая В. Н. Усова, однако они ограничены периодом 1920–1930-х гг.⁵ Британский специалист по иудаике и истории Шанхая Бернард Вассерштейн (*Bernard Wasserstein*) в монографии «Тайная война в Шанхае» (*Secret War in Shanghai*) также не уделил должного внимания деятельности советской разведки в послевоенном Шанхае⁶. Благодаря новым источникам из Шанхайского муниципального архива (*Shanghai Municipal Archive*, 上海档案馆), выявленным автором настоящей статьи, удалось проанализировать отношение шанхайского и советского правительств к российской эмиграции, а также осветить разведывательную и контрразведывательную деятельность, связанную с эмигрантами в послевоенное время.

После того как японцы потерпели поражение и в Шанхае остались только китайские власти, изменилась политическая и социальная обстановка для российских эмигрантов⁷.

Вид набережной Шанхая (Источник: Жиганов В. Д. Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. С. 12)

В связи с тем, что по решению председателя Н. К. Серезникова⁸ Русский эмигрантский комитет (далее — РЭК)⁹ во время оккупации перешел на сторону японцев¹⁰, а также вследствие неопределенной позиции китайского правительства по отношению к советской власти шанхайское правительство в ранний послевоенный период проявляло весьма сильную недоброжелательность к российским эмигрантам. Эмигрантский писатель П. Балакшин¹¹ в своем историческом труде упомянул о негативном настрое шанхайского правительства, хотя, по его мнению, представление властей о русских было ложным и крайне несправедливым: «...русская колония в Шанхае... была добровольной армией японских наймитов, работавших во вред интересам китайского народа»¹².

Из делопроизводственных документов также очевидно прохладное отношение шанхайских властей к российским эмигрантам. На втором заседании по иностранным делам Комендантского управления Шанхая (淞滬警備部) 8 октября 1945 г. были приняты меры по вопросам регулирования японского, русского и еврейского населения: «1) Из-за [неопределенных] дипломатических отношений с СССР политика нашего правительства в связи с белыми эмигрантами пока не ясна, однако необходимо заключить под стражу тех, кто представляет опасность для нашей страны; 2) Бары, открытые белыми эмигрантами, оказали сильное негативное влияние [на Шанхай], полиции и санитарному отделу необходимо пресекать открытие новых заведений, а также ликвидировать старые»¹³.

Меры центрального китайского правительства по регулированию прав российских эмигрантов на проживание в Шанхае изначально были весьма суровыми. Однако шанхайский мэром Цянь Дацюнь (錢大鈞) отказался от предложенных Главным командованием сухопутных войск Китая (中國陸軍總司令部) радикальных мер по созданию концлагеря из представителей низшего слоя русской бедноты¹⁴. Вместо этого ст. VI «Временных правил получения вида на жительство в г. Шанхае и регистрации гражданских состояний иностранных резидентов» предписывала вывезти русских нищих за пределы Шанхая¹⁵.

Из-за ужесточения правил пребывания и негативного отношения китайского правительства к российским эмигрантам советская власть в течение 1945–1946 гг. успешно агитировала многих эмигрантов получить гражданство СССР. В. В. Федуленко¹⁶ в своих воспоминаниях отметил рост советского влияния на значительное количество российских эмигрантов, в особенности на молодежь: «В русской колонии появилось просоветское движение, в особенности среди молодежи очевиден рост интереса к советской прессе и клубам. Советская радиостанция начала вести интенсивную патриотическую пропаганду... Советская агитация дала результат. Многие литераторы и корреспонденты получили советское финансирование... В шанхайской колонии раньше проживало 12 тыс. русских, однако к 1947 г. не меньше 5 тыс. русских перешли на сторону СССР»¹⁷. Однако В. В. Федуленко был слишком оптимистичен в своих подсчетах. Согласно переписи конца 1946 г., в Шанхае проживало 7017 русских без гражданства¹⁸ и 11 260 советских граждан¹⁹. Количество советских граждан уже превышало численность белых эмигрантов.

Советская власть успешно осуществляла шпионскую деятельность в Шанхае. В связи с тем, что Шанхай был одной из самых важных баз армии США

Garden Bridge. На заднем плане слева — советское консульство
(источник: *Жуганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. С. 13*)

на Дальнем Востоке, советское правительство обращало большое внимание на сбор разведывательных данных. В феврале 1946 г. полиция Шанхая заметила активность советских агентов по созданию отделения связи в Шанхае: «Глава шанхайского филиала службы военной разведки СССР Г. М. Голев по поручению генконсула СССР Константинова в данный момент организует секретное отделение связи в Шанхае для получения информации о: 1) деятельности армии США в Шанхае и количестве материальной помощи, оказанной нашей стране; 2) передаче японского оружия; 3) контактах с руководством высшего звена союзнических государств; 4) военных силах нашей армии; 5) участии японской армии в борьбе с коммунистами»²⁰.

Однако советские агенты уже присутствовали в Шанхае до 1946 г. Можно выделить три основных направления деятельности советских шпионов в Шанхае: использование шпионок для сбора информации у американских офицеров; вовлечение российских эмигрантов в деятельность по обеспечению нужд Советов и наблюдение за общественными организациями русских; попытки взятия под контроль религиозной сферы.

Уже 14 декабря 1945 г. полиция получила от Комендантского управления Шанхая информацию о действиях советских шпионок: «Для получения разведывательных данных от американской армии правительство СССР отправило 20 опытных шпионок работать в шанхайские бары»²¹. Все они работали в самых известных барах и танцевальных залах Шанхая: Лидия Лупина и Екатерина

Югова работали в *Paramount Hall*²²; Хеку Масрова жила в *Peace Hotel*²³ и была связана с разведывательным отделом армии США. Кроме Хеку Масровой, у многих шпионок также были связи с американской армией. Так, согласно информации, полученной полицией, Ямара Калатьянова вошла в контакт с одним из адмиралов США, находившихся в Шанхае²⁴.

Советские агенты также открыли собственное кафе для слежки за американцами — заведение *Suun Cafe* на ул. Бродвей, 86, хозяйкой которого была шпионка Белли Букира, а работали в нем агенты Мария Шпенберг, Берри Меллоера, Нона Ламдоберг и Лидия Слованова²⁵.

Правительство СССР работало не только с советскими шпионками, оно активно привлекало к подобной деятельности эмигрантов. 12 декабря 1945 г. в полицию Шанхая поступили сведения о собрании просоветских русских и еврейских эмигрантов во главе с «советскими организаторами»²⁶. Согласно полученной информации, они призывали эмигрантов вступить в коммерческие и общественные организации российской эмиграции, а также в правительственные учреждения Китая, чтобы получить доступ к секретной информации²⁷. При этом в телеграмме № (34) 6788 Главного участка полиции Шанхая, адресованной всем филиалам, сообщалось о возможной измене со стороны полицейских русского происхождения. После этого в декабре был создан список таких полицейских, однако не было установлено, работал ли кто-нибудь из них на советское правительство²⁸.

Советские агенты также предприняли активные действия на американской базе в Шанхае. 1 апреля 1946 г. полиция арестовала русского эмигранта Ж. Г. Пиатта, работавшего багажным клерком на базе Военно-воздушных сил США (*United States Army Air Forces, USAAF*). Его обвинили в краже секретных документов из американского самолета в аэропорту *Kiangwan*²⁹.

В связи с мягкой политикой китайского правительства в вопросах выдачи гражданства иностранцам и лицам без гражданства советские шпионы агитировали некоторых просоветских эмигрантов получить не советский, а китайский паспорт для облегчения работы в Китае. В приложении I к приказу полиции Шанхая № (35) 17926 от 16 октября 1946 г. были перечислены имена 18 просоветских эмигрантов, получивших китайское гражданство. Одним из них был монах Михаил Рогожин, чей сын Виталий Рогожин, советский шпион, проводил слежку за действиями американской армии в Хулудао³⁰. Согласно П. Балакшину, М. Рогожин во время японской оккупации был тесно связан с РЭК, уже подпавшим целиком под контроль японцев³¹. Возможно, опасаясь расследования со стороны китайских властей, он перешел на сторону СССР. Во время приезда архиепископа Виктора в Шанхай, о чем речь пойдет дальше, М. Рогожин исполнял функцию его главного помощника³².

Самой крупной операцией советских шпионов в Шанхае была попытка захвата контроля над управлением Российской эмигрантской ассоциации³³. 15 ноября 1946 г. МИД Китая направил мэру Шанхая У Гочжэну (吳國禎) телеграмму № W (35) 2628 следующего содержания: появились сведения о злоупотреблении властью и о помощи советским шпионам со стороны секретаря РЭА М. Г. Яковкина³⁴. Информация о М. Г. Яковкине и его деятельности в Шанхае

в ранние годы довольно скудна. Краткие сведения о нем можно узнать из дела D-917 шанхайского полицейского фонда (*SMP Files*): будучи секретарем РЭК, он поручился за трех эмигрантов, чтобы они могли вступить в Шанхайский русский полк³⁵. В Шанхае он постоянно проживал в квартире по адресу 118/1, Moulmein Rd³⁶.

С ноября по декабрь 1946 г. офицер А. Прокофьев из отдела по иностранным делам полиции Шанхая проводил детальное расследование в отношении М. Г. Яковкина. По его мнению, М. Г. Яковкин с большой вероятностью был причастен: к помощи известным советским агентам по вступлению в РЭА (получал по 100–200 долларов за каждого); к помощи активным советским лицам в регистрации в шанхайской полиции в качестве русских эмигрантов и получении вида на жительство, также он лично разрешал им регистрироваться в РЭА. Кроме того, он состоял в тесной связи с секретными агентами и обещал двум «секретным агентам, Голтсману и Лиознову», помощь в получении американской визы за несколько сотен долларов³⁷.

Однако в дальнейшем расследование остановилось. Согласно информации, полученной от РЭА и советского генконсульства, М. Г. Яковкин не оказывал помощи советским агентам. Не дал результатов и допрос П. П. Бетошкиной-Грязновой, хорошо знакомой с М. Г. Яковкиным. Получив советское гражданство 16 апреля 1946 г., она категорически заявила: «[Я] ничего по этому поводу не знаю, никому никогда не говорила и не слышала, чтобы кто-либо в моем присутствии на эту тему говорил. Я слишком занятой человек, чтобы интересоваться чужими делами, а кроме того, будучи теперь советской гражданкой, не интересуюсь и делами РЭА»³⁸. У полиции не было оснований арестовывать М. Г. Яковкина, он продолжил занимать должность секретаря РЭА³⁹. Однако дело на этом не закончилось: хотя прямые свидетельства измены М. Г. Яковкина отсутствовали, мэр У Гочжэн велел полиции Шанхая внимательно наблюдать за ним и в дальнейшем тщательно расследовать его дело⁴⁰.

Религиозная политика советского правительства в Шанхае заключалась в поддержке марионеточных священнослужителей, главой которых был архиепископ Виктор⁴¹. Он был возведен в сан епископа шанхайского в начале 1932 г., после кончины архиепископа Симона 14 июля 1932 г. был назначен начальником Российской духовной миссии в Пекине⁴² и до 1946 г. не проявлял признаков просоветской ориентации. Однако в январе 1946 г. по его распоряжению Российская духовная миссия в Пекине (далее — РДМП) прекратила отношения с Русской православной церковью за рубежом (далее — РПЦЗ) и перешла под влияние Московской патриархии. Шанхайская епархия во главе с епископом Иоанном⁴³ была против неожиданного решения Виктора. В шанхайскую епархию архиепископ прибыл в середине 1946 г. с целью убедить Иоанна Шанхайского присоединиться к РПЦ⁴⁴.

16 июня 1946 г. МИД Китая получил неофициальное обращение от белых эмигрантов о помощи в разрешении вопроса религиозного характера; 15 июля МИД направил телеграмму шанхайскому правительству, где описал сложившуюся ситуацию: «У православного храма по улице Генриха д. 55 дежурят четверо вооруженных сотрудников тайной советской полиции, их задача —

Советское консульство в Шанхае (Источник: Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. С. 16)

защищать архиепископа Виктора. Согласно полученной информации, эти агенты собираются изгнать из храма Иоанна Шанхайского и остальных священников вместе с верующими. Русские верующие просят нас запретить советским гражданам входить в храм или находиться у храма с оружием»⁴⁵. Из мемуаров В. В. Федуленко ясно, что русская колония в Шанхае обращалась не только в МИД Китая, но и к митрополиту Анастасию с просьбой поставить Иоанна Шанхайского во главе РДМП⁴⁶; впоследствии первоиерарх РПЦЗ дал согласие на это. Однако решение РПЦЗ не могло существенно изменить сложившуюся ситуацию, русская колония больше надеялась на местные власти.

После получения обращения от МИД шанхайское правительство начало вмешиваться в религиозную жизнь эмигрантов, оказывая поддержку Иоанну Шанхайскому. П. Балакшин упомянул о том, что «по распоряжению мэра около собора были поставлены китайские полисмены для охраны его от дальнейших поползновений со стороны советских властей через архиепископа Виктора»⁴⁷. Серьезность сложившейся ситуации была отмечена советскими властями на высшем уровне. 20 июля в беседе с министром иностранных дел Китая Ван Шицзэ (王世傑) посол СССР в Китае А. А. Петров выразил протест против действий местных властей Шанхая, поддерживавших Иоанна Шанхайского: «В конце беседы я обратил внимание Ван Шицзэ на ненормальное отношение местных китайских властей к РПЦ в Шанхае. Я указал, что эта церковь, подчиняющаяся Московскому Патриарху, по существу преследуется местными властями в Шанхае, которые в то же самое время открыто поддерживают духо-

венство, которое связано с так называемым заграничным профашистским минором и руководится Иоанном»⁴⁸.

Ван Шицзэ, явно знакомый с обращением белых эмигрантов в МИД, в беседе с А. А. Петровым сказал, что он якобы «не в курсе дела», и «обещал поинтересоваться церковными делами в Шанхае»⁴⁹.

После четырехмесячной подготовки Комендантское управление Шанхая 19 октября 1946 г. арестовало архиепископа Виктора. Поводом для ареста была его связь с японцами во время войны⁵⁰. Однако вскоре после ареста под влиянием советского генконсульства и просьб сотен советских граждан, а также из-за «строгого протеста» посла А. А. Петрова против ареста Виктора⁵¹ 24 октября он был освобожден под залог⁵². Высший суд Шанхая в тот же день тайно уведомил полицию о необходимости пристально следить за ним⁵³. Однако полиция была не в состоянии эффективно выполнять поручение суда из-за давления со стороны советского генконсульства. В рапорте № 261 полицейского участка по улице Чаншу (常熟) о надзоре над архиепископом Виктором начальник участка писал, что трудно эффективно осуществлять контроль над действиями архиепископа в связи с регулярными визитами к нему «влиятельных советских лиц в Шанхае»⁵⁴. В итоге «правительство Китая под давлением веских политических причин [было] готово отложить суд над Виктором на неопределенное время»⁵⁵.

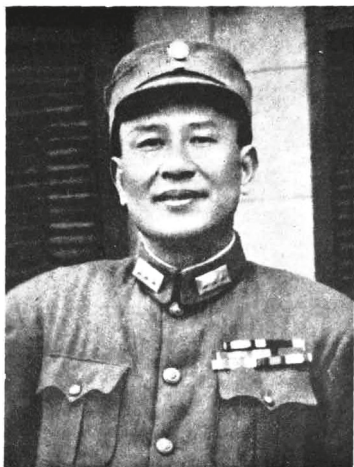
После неудачной попытки ареста архиепископа Виктора храм на улице Генриха перешел в руки советской власти и ее марионеточной церкви. Во владении Иоанна Шанхайского остался лишь один крупный храм — Свято-Николаевский. Однако советское правительство планировало полностью взять под контроль религиозную жизнь русских эмигрантов в Шанхае. После долгих разбирательств в суде архиепископ Виктор вновь победил⁵⁶, с 1948 г. два главных храма были под управлением советского правительства.

В связи с вышеупомянутыми действиями советской власти в Шанхае китайское правительство не могло не изменить отношения к российским эмигрантам. Поводом для этого стало то, что 30 июня 1947 г. Правительство СССР призвало всех советских подданных в Китае вернуться на родину⁵⁷. Многие эмигранты, получившие советское гражданство в 1945–1946 гг., не желали переселяться в СССР и хотели отказаться от гражданства. Полиция Шанхая сталкивалась с подобными случаями еще в первой половине 1947 г.,

Свято-Николаевский храм (Источник: Жиганов В. Д. Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. С. 36)

白 國 防 部 長 崇 禧

Министр обороны Китая Бай Чунси (Источник: 上海市公訓同學抗戰紀念刊 (Товарищество шанхайского Гунсюня: юбилейное издание в честь победы в войне с Японией). Шанхай, 1947. С. 20)

до начала активной кампании, пропагандировавшей возвращение на родину. Эмигранты, обратившиеся с просьбой заново зарегистрироваться как лица без гражданства, в основном делились на две категории: те, кто не хотел быть насильно вывезен в СССР, и те, кто потерял работу из-за советского гражданства⁵⁸. Однако до апреля шанхайское правительство еще не принимало никаких мер по поддержке эмигрантов. Глава полиции Сюань Те-у (宣鐵吾) издал приказ от 8 марта 1947 г. № (36) 5410, в котором устанавливалось: если российские эмигранты не могут получить подтверждающие бумаги из консульства СССР о лишении гражданства, то полиция будет считать их гражданами СССР⁵⁹.

С июня положение этих эмигрантов начало ухудшаться. Из-за бюрократических проволочек в полиции и хаоса в РЭА, а также из-за предполагаемых связей некоторых важных членов РЭА с СССР эмигранты (около 2 тыс. чел.) не смогли заново зарегистрироваться как лица без гражданства — РЭА просила у них подтверждающие документы от полиции, а полиция — доказательства от РЭА⁶⁰. Согласно информации, полученной Чжан Чжаном (張彰) — представителем министра обороны Китая Бай Чунси (白崇禧), многие эмигранты «все время дома плачут и собираются покончить с собой»⁶¹.

В связи со сложившейся ситуацией китайское правительство предприняло меры для разрешения проблемы. В телеграмме Главного управления полиции МВД Китая (內政部警察總署) от 26 мая 1947 г. № (36) 5-7705, адресованной полиции Шанхая, а также в телеграмме полиции Шанхая от 13 июня 1947 г. № (36) 8034 всем участкам предписывалось руководствоваться двумя статьями Закона о гражданстве: согласно § 4 ст. 1, потомки лиц без гражданства, рождавшиеся на территории Китайской Республики, автоматически получали китайское гражданство; согласно ст. 11, если китайские граждане получали гражданство других стран, они могли отказаться от китайского гражданства с разрешения китайского МВД⁶². Благодаря этим двум статьям все русские эмигранты, родившиеся на территории Китая, по закону являлись китайскими гражданами. Если они получали советское гражданство без разрешения МВД Китая, то их новые документы на территории Китая признавались недействительными и они оставались китайскими подданными. Эффект от данной меры был существен, что доказывает нота поверенного в делах СССР в Китае Н. Т. Федоренко министру Ван Шицзэ от 28 июля: «Местные органы власти в Шанхае, Тяньцзине и Бэйпине, а также в других городах на протяжении последних несколько дней начали отказывать в выдаче выездных виз репатри-

ирующимся советским гражданам... причем местные полицейские власти отказываются признавать советские паспорта, выданные консульствами СССР в Китае, принуждают советских граждан регистрироваться в качестве белоэмигрантов»⁶³. В конечном счете благодаря политике шанхайских властей многие русские остались в Шанхае. Согласно В. В. Федулenco, лишь около 3 тыс. чел. были депортированы из Шанхая, многие просто «бросили свои советские паспорта»⁶⁴.

Кроме вышеупомянутой меры, принятой властями Шанхая по приказу из Нанкина, до июньского призыва шанхайское правительство уже начало самостоятельно оказывать политическую поддержку российской колонии, разрешило собрание РЭА и даже само участвовало в нем⁶⁵. В течение двух месяцев шанхайские власти одобрили выпуск сразу двух эмигрантских газет: 13 апреля — «Китайско-русской газеты»⁶⁶ и 25 мая — газеты «Русское слово»⁶⁷.

Энергичные действия шанхайского правительства по отношению к эмигрантам и меры, часто более радикальные и целенаправленные, чем приказы от центральных властей, объясняются личностными особенностями мэра У Гочжэна, главы полиции Сюань Те-у и заместителя главы полиции Юй Шупина (俞叔平)⁶⁸. Все трое получили западное образование и решительно боролись против забастовок и хаоса в городе, вызванного коммунистической пропагандой при поддержке СССР. У Гочжэн получил докторскую степень по политологии в Принстонском университете⁶⁹. На посту мэра Шанхая он придерживался радикальных мер в борьбе с забастовщиками и коммунистами. Согласно мемуарам, он «лично допросил свыше половины арестованных коммунистов»⁷⁰. Глава полиции Сюань Те-у взял на себя ответственность за реформу полицейской системы и ведение борьбы с шанхайской мафиозной организацией «Зеленая Банда» (青幫)⁷¹. В рамках реформы были изданы сборники его речей и докладов⁷².

吳 市 長 國 楨

Мэр У Гочжэн (Источник: 上海市公訓同學抗戰紀念刊 (Товарищество шанхайского Гунсюня: юбилейное издание в честь победы в войне с Японией). Шанхай, 1947. С. 22)

宣 淞 滬 警 備 司 令 鐵 吾

Глава полиции Сюань Те-у (Источник: 上海市公訓同學抗戰紀念刊 (Товарищество шанхайского Гунсюня: юбилейное издание в честь победы в войне с Японией). Шанхай, 1947. С. 24)

Заместитель главы полиции Юй Шупин, доктор юридических наук Венского университета, успешно проводивший контрразведывательную деятельность против советских властей в Шанхае, был знатоком не только разведки и контрразведки, но и ведения уголовного расследования⁷³. Во время руководства Сюань Те-у и Юй Шупина был создан Добровольный уголовный полицейский отряд (義勇刑事警察大隊), специализировавшийся на разведке и контрразведке. Отряд был отделен от бюрократической системы внутри полиции и находился под прямым командованием главы полиции⁷⁴.

Столь откровенная поддержка эмигрантов шанхайским правительством даже вызвала дипломатический скандал между А. А. Петровым и Ван Шицзэ. Когда 3 июня в их беседе речь зашла о данном деле, А. А. Петров выразил сильный протест против происходящего, а Ван Шицзэ сказал, что он хочет разговаривать с А. А. Петровым «откровенно», и, в свою очередь, выступил с критикой антикитайских репортажей в советской прессе⁷⁵.

Несмотря на возражения советских властей, шанхайское правительство продолжало придерживаться своей линии. После июньского призыва началась систематическая поддержка российской колонии властями Шанхая. 15 июля 1947 г. административный отдел полиции Шанхая сформулировал три положения, касавшиеся помощи русским эмигрантам: 1) правительство должно содействовать русским эмигрантским обществам и оказывать помощь в их организации; 2) если русские эмигранты захотят получить китайское гражданство, то правительство должно содействовать этому и упрощать процесс получения гражданства; 3) правительство должно обеспечить всех лиц без гражданства, родившихся на территории Китая, удостоверением личности китайского гражданина⁷⁶.

Для осуществления первого положения и в целях реорганизации РЭА в Шанхае, а также чтобы «не позволить СССР использовать Ассоциацию в своих целях»⁷⁷, полиция Шанхая начала создавать план для получения полного контроля над РЭА. Глава полиции Юй Шупин «несколько раз лично инспектировал РЭА, официально уведомлял председателя о намерении более тесного сотрудничества»⁷⁸.

В результате Юй Шупин предложил план контроля над РЭА, состоявший из пяти пунктов: «1) усилить организованность РЭА с помощью наших кадров, при условии полного подчинения полиции наделить Ассоциацию некоторыми правами; 2) предоставить удобства и помощь членам РЭА; 3) провести детальный анализ трудовой занятости эмигрантов, выгнать всех безработных из Шанхая или собрать их вместе для строительства дорог; 4) все наши агенты должны держать тесную связь с РЭА, нужно часто проводить светские мероприятия с важными персонами из Ассоциации, чтобы не допустить их перехода на сторону СССР; 5) РЭА должна казаться самостоятельной организацией, однако фактически все реальные права должны принадлежать полиции Шанхая». Также он решил, что если состав РЭА не согласится с этими мерами, то его необходимо будет распустить и подобрать более сговорчивых эмигрантов⁷⁹.

В итоге члены РЭА согласились с этим предложением и стали подчиняться полиции. Г. К. Бологов остался председателем Ассоциации⁸⁰. Судя по коммен-

тарию 1957 г., оставленному на обложке дела Q. 131-4-2148 сотрудником цензурного органа по упорядочению документов периода Китайской Республики в Шанхайском муниципальном архиве, можно утверждать, что «РЭА — организация, подконтрольная реакционерам»⁸¹.

Со второй половины 1947 г., после успешного установления контроля над Ассоциацией по просьбе председателя РЭА Г. К. Бологова, шанхайское правительство действительно дало русским эмигрантам и РЭА реальные привилегии и права. Однако многие нереализуемые предложения Г. К. Бологова были отклонены полицией и правительством Шанхая. Он оставался привержен белой идеологии и считал, что борьба с коммунизмом является «исторической миссией и идеологической задачей русской эмиграции»⁸², несмотря на то что больше половины эмигрантов уже получили советское гражданство. По его мнению, к русским не применим термин «лица без гражданства», как к евреям, их должны официально называть «белыми русскими эмигрантами»⁸³.

27 августа 1947 г. Г. К. Бологов написал письмо в полицию Шанхая, в котором предложил следующие меры по оказанию помощи русским эмигрантам: 1) позволить русским эмигрантам путешествовать по Китаю без особого разрешения или со справкой РЭА; 2) разрешить русским эмигрантам работать в правительстве и на судах; 3) упростить процесс получения заграничной визы для русских эмигрантов; 4) признать, что «русскими эмигрантами» могут стать только члены РЭА, а другие русские являются «лицами без гражданства»; 5) разрешить русским эмигрантам издавать газету; 6) прекратить принудительную натурализацию русских, родившихся в Китае⁸⁴. Последний пункт дает понять, что Г. К. Бологов был против меры, предпринятой китайским правительством для помощи эмигрантам, желавшим отказаться от гражданства СССР. Однако и он, и РЭА не могли и не хотели помочь этим эмигрантам в первой половине 1947 г.

Полиция Шанхая отклонила четвертое и шестое предложения Г. К. Бологова как нереализуемые. Русских, подобно евреям, продолжили считать «лицами без гражданства». Также все русские, родившиеся в Китае, официально считались китайскими гражданами⁸⁵. Однако полиция предприняла активные действия по упрощению получения визы и разрешения на внутренние поездки по стране, а также позволила русским работать в правительстве и на судах.

Шанхайское правительство также хотело, чтобы русские эмигранты издавали свою газету с антикоммунистическими лозунгами, однако согласно закону лица без гражданства не имели права издавать газету на территории Китая. Такая ситуация сложилась в 1947 г., когда власти одобрили выпуск «Китайско-русской газеты» и «Русского слова». Поэтому, как и в 1947 г., в марте 1948 г. полиция и бюро по социальным делам (社會局) решили дать русским эмигрантам шанс для сотрудничества с китайским издательством, чтобы газета выходила под началом последнего⁸⁶. Однако в связи с тяжелым положением Гоминьдана в гражданской войне с апреля шанхайское правительство прекратило помогать РЭА, а деятельность Ассоциации в Шанхае была свернута после последнего заседания Исполнительного комитета 25 мая 1948 г.⁸⁷

Подведем итоги. После Второй мировой войны в Шанхае осталось только китайское правительство, и русским эмигрантам пришлось привыкать к переменам. Также из-за усиления мощи СССР активность советского правительства в Шанхае резко возросла. В связи с недоверием к русским эмигрантам и неблагоприятной политикой китайского правительства по отношению к ним советской власти удалось привлечь большое количество эмигрантов на свою сторону, успешно проводить тайную слежку, используя развитую разведывательную систему, некоторых русских эмигрантов, а также марионеточную церковь во главе с архиепископом Виктором. Китайское правительство осознало серьезность ситуации, когда СССР стал агитировать всех советских граждан в Китае вернуться на родину. Полиция Шанхая и другие местные органы власти начали активно помогать русским эмигрантам оставаться в Китае, предоставляя им некоторые привилегии. Однако целью шанхайского правительства не было улучшение жизни русских эмигрантов⁸⁸. Для послевоенного шанхайского правительства на первом месте стояли политические цели, оно рассчитывало ослабить советское влияние в Шанхае, оказывая помощь русским эмигрантам и привлекая их для совместной борьбы с коммунистами. Власти никогда не интересовались белой идеологией, в то время еще распространенной среди представителей верхушки российской диаспоры в Шанхае. В итоге РЭА стала одним из учреждений, подконтрольных полиции, и все решения председателя, неугодные главе полиции, были отклонены.

¹ Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. М., 2008.

² Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., 2015. С. 383–504.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Усов В. Н.: 1) Советская разведка в Китае: 20-е годы XX века. 2-е изд. М., 2011; 2) Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.

⁶ Wasserstein B. Secret War in Shanghai. London, 1998.

⁷ Подробно об эволюции политической системы Шанхая до 1949 г. см.: *Montalto de Jesus C. A. Historic Shanghai*. Shanghai, 1909; *Lanning G., Couling S. The History of Shanghai*. Vol. 1. Shanghai, 1921; Vol. 2. Shanghai, 1923; *Kotenev A. M. Shanghai: Its Mixed Court and Council*. Shanghai, 1925; *Hawks Pott F. L. A Short History of Shanghai*. Shanghai, 1928; *Hsia C. The Status of Shanghai*. Shanghai, 1929; *Maybon Ch. B., Fredet J. Histoire de la concession française de Shanghai*. Paris, 1929; *上海公共租界史稿* (Историческая запись шанхайского международного селтльмента). Шанхай, 1980; *上海地方史资料* (Материалы для изучения шанхайской истории). Т. 1. Шанхай, 1982; Т. 2. Шанхай, 1983; *上海史* (История Шанхая) / под ред. 唐振常 (Тан Чженьчан). Шанхай, 1989; *上海史 巨大都市の形成と人々の営み* (История Шанхая, формирование мегаполиса и влияние человеческого труда) / под ред. 古厩忠夫 (Фурумая Тадао). Токио, 1995; *上海通史* (Всеобщая история Шанхая) / под ред. 熊月之 (Сюн Юэчжи). Т. 3, 7. Шанхай, 1999; и др. — Подробно о новейшей западной историографии по шанхаеведению см.: *海外上海学* (Шанхаеведение вне Шанхая) / под ред. 熊月之 Сюн Юэчжи. Шанхай, 2004.

⁸ Сережников Н. К. — офицер и общественный деятель, член правления Казачьего союза в Шанхае, председатель совета действий РЭК с 30 августа 1938 г., председатель РЭК с 1941 г. Был тесно связан с японскими властями, выступал против К. Э. Мецлера и Н. А. Иванова. См. о нем: Шаронова В. Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 388.

⁹ Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. С. 355–388.

¹⁰ Там же. С. 265.

- ¹¹ См. о нем: *Хисамутдинов А. А.* Петр Балакшин — «Человек из Приморья» в Сан-Франциско. Владивосток, 2016. С. 9–74.
- ¹² *Балакшин П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Т. 2. М., 2013. С. 225.
- ¹³ Shanghai Municipal Archive (далее — SMA). Q. 127-8-284. P. 4–10.
- ¹⁴ Памятная записка городского совета от 6 марта 1935 г. № 186 // SMA. Q. 1-6-321. P. 9.
- ¹⁵ Ibid. P. 26–31.
- ¹⁶ Федуленко В. В. — заместитель председателя Российской эмигрантской ассоциации. См. о нем: *Chashchin K. V.* Russians in China. Genealogical index 1926–1946. New York, 2014. P. 817.
- ¹⁷ *Fedoulenko V. V.* Russian Émigré Life in Shanghai. Berkeley, 1967. P. 112–114.
- ¹⁸ SMA. Q. 131-4-1814. P. 177.
- ¹⁹ SMA. Q. 154-3-5. P. 6.
- ²⁰ SMA. Q. 149-2-55. P. 5.
- ²¹ Ibid. P. 2–4.
- ²² Самый известный развлекательный клуб в Шанхае.
- ²³ Знаменитая гостиница на набережной Шанхая.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ SMA. Q. 149-2-55. P. 6.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ SMA. Q. 131-5-9251. P. 10.
- ²⁹ SMA. Q. 131-5-2666. P. 3.
- ³⁰ SMA. Q. 154-3-5. P. 6. — Хулудао — городской округ в Ляонине.
- ³¹ *Балакшин П.* Финал в Китае... Т. 2. С. 266.
- ³² Там же.
- ³³ Русский эмигрантский комитет не мог существовать после войны из-за сотрудничества с японцами. После смерти председателя Н. К. Сereжникова РЭК был реорганизован и переименован в Российскую эмигрантскую ассоциацию. Новым председателем стал Г. К. Бологов, секретарем — бывший секретарь РЭК М. Г. Яковкин. Ядро РЭА составляли казаки, кадеты и бывшие члены Шанхайского русского полка (*Fedoulenko V. V.* Russian Émigré Life in Shanghai. P. 121).
- ³⁴ SMA. Q. 131-4-2056. P. 1.
- ³⁵ Подробно о Шанхайском русском полке см.: *Красноусов Е. М.* Шанхайский русский полк 1927–1945. Сан-Франциско, 1984.
- ³⁶ Russians in China. Shanghai D-917 Police Applicants: 1930–1942 / ed. by K. V. Chashchin. New York, 2017. P. 66, 100, 145.
- ³⁷ SMA. Q. 131-4-2056. P. 3–6.
- ³⁸ Ibid. P. 11.
- ³⁹ Протоколы Российской эмигрантской ассоциации в Шанхае 1946–1948 гг. // Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае... С. 383–504.
- ⁴⁰ SMA. Q. 131-4-2056. P. 18–19.
- ⁴¹ Подробно о деятельности архиепископа Виктора см.: *Балакшин П.* Финал в Китае... Т. 2. С. 252–273.
- ⁴² *Жиганов В. Д.* Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. С. 38.
- ⁴³ Подробно о деятельности Иоанна Шанхайского см.: Владыка Иоанн — святитель Русского Зарубежья / сост. прот. Петра Перекрестова. 4-е изд. М., 2014.
- ⁴⁴ 上海市年鑑民國36年 (Ежегодник г. Шанхая 1947 г.) / под. ред. 上海通志館 (Институт по изучению шанхайской истории). Шанхай, 1947. С. 34.
- ⁴⁵ SMA. Q. 131-4-2057. P. 1.
- ⁴⁶ *Fedoulenko V. V.* Russian Émigré Life in Shanghai. P. 124.
- ⁴⁷ *Балакшин П.* Финал в Китае... Т. 2. С. 260.
- ⁴⁸ Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. V. Кн. 1 / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2005. С. 141.
- ⁴⁹ Там же.

- ⁵⁰ 希臘正主教維克多 (Православный архиепископ Виктор) // 申報 (Шэньбао). 1946. 22 окт.
- ⁵¹ Русско-китайские отношения в XX веке... Т. V. Кн. 1. С. 185.
- ⁵² 維克多主教獲釋 (Архиепископ Виктор вышел на свободу) // 申報 (Шэньбао). 1946. 25 окт.
- ⁵³ SMA. Q. 131-4-2051. P. 2.
- ⁵⁴ Ibid. P. 6.
- ⁵⁵ Балакиши П. Финал в Китае... Т. 2. С. 268.
- ⁵⁶ 俄東正教堂歸屬 (Кому принадлежит православный храм) // 新聞報 (Синьвэньбао). 1948. 8 июня.
- ⁵⁷ 南民 (*Hany Min*). 談蘇僑歸國 (О возвращении на родину советских эмигрантов) // 時代雜誌 (Шидайцзачжи). 1947. № 218. С. 7.
- ⁵⁸ SMA. Q. 149-5-11. P. 23.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ SMA. Q. 131-4-2148. P. 4–5.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² SMA. Q. 149-5-11. P. 90.
- ⁶³ Русско-китайские отношения в XX веке... Т. V. Кн. 1. С. 348.
- ⁶⁴ Fedoulenko V. V. Russian Émigré Life in Shanghai. P. 129.
- ⁶⁵ 25 мая 1947 г. с участием сотрудников Муниципального правительства и Комендантского управления Шанхая состоялось собрание РЭА.
- ⁶⁶ Русско-китайские отношения в XX веке... Т. V. Кн. 1. С. 306.
- ⁶⁷ Там же. С. 321.
- ⁶⁸ С июля 1947 г. — глава полиции.
- ⁶⁹ 中华民国史人物传 (История Китайской республики: биографии). Т. 6 / под ред. 李新 (Ли Синь). Пекин, 2011. С. 3916.
- ⁷⁰ 吳國禎 (*У Гочжэн*). 夜來臨 (Ночь наступает). Гонконг, 2009. С. 176.
- ⁷¹ 赵子云 (*Чжао Цзыюнь*). 上海滩旧事: 警察局长斗法青帮老大 (Событие в Шанхае: глава полиции против главы мафии) // 文史博览 (Вэньшиболань). 2017. № 4. С. 18–19.
- ⁷² 宣鐵吾 (*Сюань Те-у*): 1) 宣鐵吾先生警政言論集 (Сборник речей о полицейских делах Сюань Те-у). Шанхай, 1947; 2) 局長宣鐵吾先生訓詞選 (Избранные доклады главы полиции Сюань Те-у). Шанхай, 1947.
- ⁷³ 中国国民党诸暨籍百卅将领录 (Записи о 130 командующих родом из Чжуцзя в Гоминьдане) / под ред. 汪木伦 (Ван Мулунь). Пекин, 2006. С. 217.
- ⁷⁴ Материалы для изучения шанхайской истории. Т. 1. Шанхай, 1982. С. 186.
- ⁷⁵ Русско-китайские отношения в XX веке... Т. V. Кн. 1. С. 321–327.
- ⁷⁶ SMA. Q. 131-4-2148. P. 3.
- ⁷⁷ Ibid. P. 11.
- ⁷⁸ Ibid.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ SMA. Q. 131-4-2207. P. 1.
- ⁸¹ SMA. Q. 131-4-2148. Cover.
- ⁸² SMA. Q. 131-4-2207. P. 2–8.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Ibid. P. 19–22.
- ⁸⁶ SMA. Q. 6-12-52-1. P. 3.
- ⁸⁷ Протокол № 38 Заседания Исполнительного комитета РЭА в Шанхае, 25 мая 1948 г. // Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае... С. 503–504.
- ⁸⁸ См. исторический экскурс в: *Сунь Ичжи*. Отношение шанхайского общества к российской эмиграции. 1917–1922 гг. // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: сб. статей / отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. СПб., 2018. С. 214.

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2018 г.

Рекомендована в печать 3 декабря 2018 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сунь Ичжи. Российская эмиграция и советская разведка в Шанхае (1945–1949 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 156–172. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.110>
УДК 93/99

Аннотация: Статья посвящена истории российской эмиграции и советской разведки в Шанхае в 1945–1949 гг. Благодаря новым источникам, выявленным автором статьи в Шанхайском муниципальном архиве, удалось проанализировать разведывательную и контрразведывательную деятельность шанхайского и советского правительств, связанную с российской эмиграцией. Ранний послевоенный период характеризуется интенсивным ростом разведывательной активности СССР по трем направлениям: деятельность шпионок по сбору информации у офицерского состава американской армии; агитация и вовлечение российских эмигрантов в деятельность по обеспечению нужд Советов и наблюдение за общественными организациями русских в Шанхае; попытки взять под контроль религиозную жизнь эмигрантов. Китайское правительство в ранний послевоенный период относилось к российской эмиграции недоброжелательно в связи с массовой поддержкой русскими японских властей во время войны. Однако постепенно позиция китайского правительства изменилась вследствие роста в Шанхае советского влияния. Поворотным моментом стало то, что 30 июня 1947 г. Правительство СССР призвало всех советских подданных в Китае вернуться на родину. С этого момента шанхайские власти во главе с мэром У Гочжэном, начальниками полиции Сюань Те-у и Юй Шупином предприняли активные контрразведывательные меры против усиления советского влияния, в результате которых советская агитация среди эмигрантов значительно ослабла.

Ключевые слова: советская разведка, белая эмиграция, Шанхай, Гоминьдан, Китайская Республика, русско-китайские отношения.

Сведения об авторе: Сунь Ичжи — независимый исследователь (Шанхай, Китай); yizhisun961203@gmail.com

FOR CITATION

Sun Yizhi. 'Russian Emigré and Soviet Intelligence in Shanghai. 1945–1949', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019, pp. 156–172. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.110> (In Russian)

Abstract: This article investigates the history of Russian émigrés and Soviet intelligence personnel in Shanghai in 1945–1949. Using historical documents recently discovered in the Shanghai Municipal Archives (S. M. A.), the author analyzes the activities of Soviet and Shanghai intelligence and counterintelligence officers connected with Russian emigres. The early postwar period witnessed extensive growth in the activities of Soviet intelligence personnel in three directions: information gathering from the officer corps of the US Army by Soviet female spies; agitation and involving Russian emigrants in activities serving the needs of Soviets and imposing control on Russian's organizations in Shanghai; and attempts to take control over the religious life of Russian emigres. In the early postwar period, the Chinese Government treated Russian emigres negatively because of the massive support they had given to the Japanese government during the war. However, they changed their position because of the growth of Soviet influence in Shanghai. A turning point was the Soviet government's appeal to them to return to the motherland in an address to Soviet citizens in China from June 30, June 1947. The Shanghai authorities, headed by the Mayor of Shanghai Wu Guozheng, and Chiefs of Police Xuan Tiewu and Yu Shuping, took active counterintelligence measures against the growth of Soviet influence, which resulted in a considerable loss to Soviet agitation.

Keywords: Soviet intelligence, White émigré, Shanghai, Kuomintang, Republic of China, Sino-Russian relations.

Author: Sun Yizhi — Independent Researcher (Shanghai, China); yizhisun961203@gmail.com

References:

- Balakshin P. *Final v Kitae: vzniknovenie, razvitie i ischeznovenie beloj emigracii na Dal'nem Vostoke*, in 2 vols., Vol. 2 (Moscow, 2013).
- Chashchin K. V. *Russians in China. Genealogical index 1926–1946* (New York, 2014).
- Fedoulenko V. V. *Russian Émigré Life in Shanghai* (Berkeley, 1967).
- Hai Wai Shanghai Xue*, Ed. by Xiong Yuezhi (Shanghai, 2004).
- Hawks Pott F. L. *A Short History of Shanghai* (Shanghai, 1928).
- Hsia C. *The Status of Shanghai* (Shanghai, 1929).
- Khisamutdinov A. A. *Petr Balakshin — "Chelovek iz Primoriya" v San-Frantsisko* (Vladivostok, 2016).
- Kotenev A. M. *Shanghai: Its Mixed Court and Council* (Shanghai, 1925).
- Krasnousov E. M. *Shankhaiskij russkij polk 1927–1945* (San-Francisco, 1984).
- Lanning G., Couling S. *The History of Shanghai*, Vol. 1. (Shanghai, 1921).
- Lanning G., Couling S. *The History of Shanghai*, Vol. 2. (Shanghai, 1923).
- Montalto de Jesus C. A. *Historic Shanghai* (Shanghai, 1909).
- Maybon Ch. B., Fredet J. *Histoire de la concession française de Changhai* (Paris, 1929).
- Russians in China. Shanghai D-917 Police Applicants: 1930–1942*, Ed. by K. V. Chashchin (New York, 2017).
- Russko-kitaiskiye otnosheniya v XX veke: dokumenty i materialy*, Vol. V-1, Ed. by S. L. Tichvinskiy (Moscow, 2005).
- Sharonova V. G. *Nekropol russkogo Shankhaya* (Moscow, 2013).
- Sharonova V. G. *Istoriya russkoy emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoy polovine XX veka* (Moscow, 2015).
- Shanghai Gong Gong Zu Jie Shi Gao* (Shanghai, 1980).
- Shanghai Di Fang Shi Zi Liao*, Vol. 1 (Shanghai, 1982).
- Shanghai Di Fang Shi Zi Liao*, Vol. 2 (Shanghai, 1983).
- Shanghai Shi Gong Xun Tong Xue Kang Zhan Ji Nian Kan* (Shanghai, 1947).
- Shanghai Shi*, Ed. Tang Zhenchang (Shanghai, 1989).
- Shanghai shi kyodaitoshi no keisei to hitobito no itonami*, Ed. by Furuyama Tadao (Tokyo, 1995).
- Shanghai Tong Shi*, Vols. 3, 7, Ed. by Xiong Yuezhi (Shanghai, 1999).
- Shanghai Shi Nian Jian Min Guo 36 Nian*, Ed. by Shanghai Tong Zhi Guan (Shanghai, 1947).
- Sun Y. 'Otnosheniye shankhayskogo obshchestva k rossiyskoy emigratsii. 1917–1922 gg.', *Rossiya na pere-lome: voyny, revolyutsii, reformy. XX vek* (St. Petersburg, 2018).
- Usov V. N. *Sovetskaya razvedka v Kitae: 20-e gody XX veka* (Moscow, 2011).
- Usov V. N. *Sovetskaya razvedka v Kitae: 30-e gody XX veka* (Moscow, 2007).
- Vladyka Ioann — svyatitel' Russkogo Zarubezh'ya*, Ed. by P. Perekrestov (Moscow, 2014).
- Wang Z. *Istoriya russkoy emigratsii v Shankhae* (Moscow, 2008).
- Wasserstein B. *Secret War in Shanghai* (London, 1998).
- Wu G. *Ye Lai Ling* (Hongkong, 2009).
- Xuan T. *Xuan Tie Wu Xian Shen Jing Zhen Yan Lun Ji* (Shanghai, 1947).
- Xuan T. *Ju Zhang Xuan Tie Wu Xian Shen Xun Ci Xuan* (Shanghai, 1947).
- Zhao Z. Shanghai Tan Jiu Shi: Jing Cha Ju Zhang Dou Fa Qing Bang Lao Da, *Wen Shi Bo Lan*, no. 4, 2017.
- Zhiganov V. D. *Russkie v Shankhae* (Shanghai, 1936).
- Zhong Hua Min Guo Shi Ren Wu Zhuan*, Ed. by Li Xin (Peking, 2011).
- Zhong Guo Guo Min Dang Zhu Ji Ji Bai Sa Jiang Lin Lu*, Ed. by Wang Mulun (Peking, 2006).

Received: April 24, 2018

Accepted: December 3, 2018